

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный парк «Водлозерский» (Петрозаводск, Российская Федерация)
yukozhevnikova@gmail.com

«МОНАСТЫРСКОЕ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕТРА I И МОНАШЕСТВО ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА*

На основе новых и малоизвестных архивных материалов определяются последствия и значение «монастырского» законодательства петровского времени для монашества Русской православной церкви в Олонецком уезде; рассматривается ранее не изучавшийся вопрос о том, каким образом «антимонашеская» политика царя-реформатора сказалась на судьбах конкретных насельников, живших в монастырях Олонецкого уезда в первой половине XVIII века. В ходе анализа приведенных данных выясняется, что ужесточение государственной политики в отношении монашества привело на локальном уровне к резкому сокращению размеров братских общин.

Ключевые слова: православные монастыри, православное монашество, Олонецкий уезд, законодательство Петра I, история Русской православной церкви в первой половине XVIII века

Первая половина XVIII века – время тяжелых испытаний, выпавших на долю русского православного монашества в России. Государственная политика в отношении монастырей радикально поменялась при Петре I, который считал, что «чин монашеский» к началу столетия «во многая безчиния развратился», а потому его следовало решительно исправлять с помощью жестких ограничений и запретов. Новое российское законодательство о монашестве включало десятки указов и ставило под государственный контроль буквально до мелочей всю жизнь монастырских насельников.

На долгие десятилетия главным законом, детально регламентировавшим монастырскую жизнь, стало «Прибавление к Духовному регламенту» (1722), содержавшее особые главы о монахах и монастырях¹. Отныне запрещалось устройство пустыней-скитов и не одобрялось существование иноческих обителей с небольшим числом братьев (менее 30 человек). Судьбоносный для российского иночества именной петровский указ от 28 января 1723 года требовал переписать всех, кто к тому времени принял монашеские обеты, и «впредь отнюдь никого не постригать»². Возникшие после смерти монахов вакансии царь-реформатор, не питавший особой приязни к монашеству и имевший на него особый утилитарный взгляд, предлагал заполнять «престарелыми и увечными солдатами» и, таким образом, превращать действовавшие монастыри в своеобразные богадельни-госпитали для воевавшей страны. Исключение из строгих правил делалось только для «священников и диаконов вдовых, желающих монашества»³. Существование «святых обителей» при Петре I и его приемниках в первой половине XVIII века оправдывалось

только их практической пользой, приносимой для общества.

История русских православных монастырей и монашества Олонецкого уезда в XVIII веке не раз привлекала внимание отечественных исследователей [2: 3–11]. В региональной историографии в контексте общего развития монастырской жизни в России рассматриваются локальные аспекты сложных церковно-государственных отношений [2], [5]. Современные историки, привлекая новые архивные источники, оценивают состояние монастырей в первой половине XVIII века, изучают хозяйственную деятельность монахов, рассматривают конфликтные ситуации из повседневной жизни монашеских общин, например связанные с выбором настоятелей местных общежительных монастырей в первой трети XVIII века [4: 119–138], [6], [7]. Выясняются негативные последствия «антимонашеской» политики для конкретных монастырей [1], [3: 79–109]. Однако при этом не хватает обобщающих аналитических работ о местных результатах и значении церковных реформ Петра I в истории монашества Олонецкого уезда.

Итак, монастыри Олонецкого уезда, многие из которых располагались в укромных таежных уголках, не оставались в стороне от фундаментальных перемен в судьбах российского иночества и в полной мере испытали на себе петровские нововведения. В границах уезда к концу первой четверти XVIII века существовало не менее 26 монастырей, из них два женских [2: 292–293].

Далее рассмотрим значение и последствия «рокового» петровского именного указа, запретившего новые монашеские постриги без особого разрешения духовных и светских властей. В фонде Новгородской духовной консистории (ГАНО) хранятся «реестры» монахов Олонецкого уезда

за 1722 год, которые позволяют нам оценить размеры братских общин местных монастырей накануне ввода запрета на постриги⁴. Самым многолюдным, помимо Троицкого Александровско-Свирского монастыря, был Рождества Богородицы Палеостровский монастырь в северной части Онежского озера. В его братию входил 41 монах в возрасте от тридцати до девяноста лет, из них сан священника имели только двое – иеромонахи Кирилл и Иаков. В остальных монастырях число монахов не достигало 30 человек. Так, в Вознесенском девичьем монастыре подвизались строительница Агафья (Касакова) и 13 монахинь; Высокоозерской пустыни – строитель Савватий (Першин) и 10 монахов; Петропавловской пустыни – строитель Авраамий (Свечин) и 5 монахов; Брусненском девичьем монастыре – строительница София и 5 монахинь; Рубежской и Курженской пустынях – по четыре монаха в каждой; Пятницкой Кедринской пустыни – 3 монаха. Таким образом, согласно «Прибавлению к Духовному регламенту» практически все местные монастыри требовалось объединять с наиболее крупными обителями Олонецкого края.

Следующие по времени составления известные мне «реестры» датируются 1726 годом⁵. Численность монахов еще не успела сильно измениться за прошедшие четыре года. Наиболее населенными мужскими обителями Олонецкого края были Палеостровский (32 монаха), Успенский Муромский (20) и Троицкий Клименецкий (27) монастыри, все трое располагавшиеся на Онежском озере. Наименьшее число монахов подвизалось в Спасской Вашеостровской пустыни – четверо братьев преклонного возраста и в Петропавловской Соломенской пустыни в окрестностях Петровских заводов – три простых монаха (то есть без сана священника), поэтому богослужения там не проводились, монастырская церковь стояла «без пенья».

Остановимся подробнее на ситуации, сложившейся в Успенском Муромском монастыре – одной из наиболее благополучных в материальном отношении обителей Олонецкого уезда в первой четверти XVIII века [7]. На первый взгляд, она была вполне населена: в ее братскую общину в 1722–1726 годах входили 20 человек⁶. При внимательном взгляде на монашеские «реестры» можно заметить, что почти все муромские монахи достигли весьма почтенного возраста даже по меркам нашего времени. Самым «молодым» из них, Лукиану и Матфею, в 1722 году исполнилось 40 и 45 лет соответственно, Протасию и Ионе – по 50 лет обоим. Возраст остальных 16 человек колебался в пределах от 67 до 95 лет. Муромский монастырь в 1726 году возглавлял 80-летний иеромонах Кирилл. Хозяйственными и финансовыми делами управляли 77-летний келарь Михаил и 62-летний казначей Вассиан. В 1722 году муромскими старожилыми считались

строитель Кирилл и житенной Леонтий, которые подвизались в обители на протяжении последних двадцати лет, приняв здесь монашеский постриг в начале XVIII века.

В монашеских «реестрах», помимо мирского и монашеского имен, возраста, чина, места рождения и «восприятия монашества», монастырского послушания, обязательно указывалось число лет, прошедших с момента пострига того или иного монаха. В ходе анализа имеющейся информации выяснилось, что иноческие обеты давались муромскими насельниками в довольно зрелом возрасте (по закону монашеский постриг был возможен не ранее 30 лет). Только два человека приняли постриг до 40 лет. Большая же часть мужчин облачались в монашескую рясу по достижении 60 лет. По-видимому, те, кто принимал постриг в преклонном возрасте, были крестьянами-вкладчиками из разных деревень Андомского, Шальского и Пудожского погостов-округов.

После выхода суровых законов Петра I в отношении монашеских постригов Муромский монастырь естественным образом лишился своих насельников: старцы умирали один за другим. К 1726 году его братскую общину пополнили два монаха-долгожителя – Иринарх и Арсений из маленькой Ильинской Машезерской пустыни, которая находилась в окрестностях Петровских заводов. В архивном документе они названы «больничными», другими словами, серьезно недопомогали и не могли нести какое-либо послушание. При этом, если верить «реестру», им обоим было более ста лет, а именно 119 и 122 года! По какой причине они оказались в удаленном от их родной обители на десятки километров Муромском монастыре, сказать сложно. Арсений принимал монашеский постриг в Машезерской пустыни еще в 1684 году, а Иринарх – в той же пустыни в 1714 году⁷.

По сведениям известного олонечкого краеведа Е. В. Барсова, в опустевшей Машезерской пустыни в первой четверти XVIII века какое-то время жил ладвинский крестьянин Марк Семенов, умерший до 1723 года⁸. Можно предположить, что именно столетние Иринарх и Арсений оказались последними монахами, подвизавшимися в Машезерской пустыни, которая вскоре была приписана к Троицкому Клименецкому монастырю, а затем упразднена по секуляризационной реформе 1764 года.

За исключением машезерских старцев, все остальные братья Муромского монастыря были его же постриженниками. Двое монахов происходили из «церковников», один – «из посацких», остальные – из черносошного крестьянства Олонецкого уезда. К сожалению, в «реестрах» не указываются конкретные приходы и деревни, где они родились. Отчасти ответить на вопрос, из каких мест будущие монахи приходили в монастырь, помогают ведомости о «неуказнопостриженных» мо-

нахах, то есть тех, кто принял постриг без особого указа от духовных и светских властей. Такие ведомости составлялись уже после смерти Петра I с целью проверить, насколько добросовестно выполнялись его указы, запрещавшие постриги.

К середине 1730-х годов большая часть престарелых монахов Муромского монастыря уже умерла. При проверке оказалось, что здесь были совершены 5 «незаконных» монашеских постригов⁹. В других мужских и женских монастырях Олонецкого уезда сложилась схожая ситуация. Например, в Успенском девичьем монастыре постриженными без надлежащего указа светских и духовных властей находились 10 монахов, Александро-Свирском – 9, Юрьегорском – 8, Палеостровском – 7, Кодлозерском – 4, Вашеостровской, Сяндемской, Хергозерской, Яблонской пустынях – по два монаха, Высокоезерской, Задне-Никифоровской, Соломенской, Суворецкой – по одному¹⁰.

По церковным правилам монашеские постриги должен был совершать настоятель монастыря¹¹. В особых случаях с его разрешения посвящать в монашество могли другие монахи-священники, входившие в братскую общину. В Муромском монастыре «незаконные» постриги происходили при настоятелях Кирилле и Иакове в 1728–1730 годах. Их совершали два иеромонаха – Исая и Савватий. Как следует из ведомости, трое «безуказных» монахов, Корнилий, Савватий и Никодим, родились в соседних с Муромским монастырем деревнях Андомского погоста (Илекса и Гакугса), четвертый монах Павел – в деревне Лядины Шальского погоста, располагавшегося к северу от Андомы. Пятый безуказный монах Тихон пришел в Муромский монастырь из деревни Барановской Мегорского погоста, примыкавшего к южной части Онежского озера. Сделанные в свое время вклады в Муромский монастырь «на пострижение» позволяли составившимся или больным мужчинам обеспечить себя жильем и пропитанием в его стенах. Территориальная близость поселений, где родились перечисленные выше монахи, к Муромскому монастырю косвенно свидетельствует о том, что эта обитель и ее святыни особенно почитались жителями Андомского и Шальского погостов.

Судьбы «неуказных» монахов Муромского монастыря складывались по-разному. Двое из них умерли еще до начала проверки: Никодим скончался в августе 1734 года, Павел – в октябре 1735 года. Тихон, Савватий и Корнилий были расстрижены в Великом Новгороде и затем отправлены в канцелярию Олонецкого воеводского правления «для определения на прежнее жилище» (очевидно, из-за преклонного возраста, так как «неуказных» монахов по закону требовалось отдавать в солдаты)¹². За каждого «неуказнопостриженного» монаха с настоятеля монастыря, при котором происходил незаконный постриг, взимался штраф в размере 10 рублей. Настоя-

тель Муромского монастыря иеромонах Кирилл умер еще в апреле 1728 года, причем «и *скарбу от него никакого не осталось*», поэтому оштрафовали только его преемника монаха Иакова¹³. Зачастую после отсылки «незаконных» постриженников монашеские обители Карелии оставались безлюдными, поэтому штрафовать было некого [2: 66–67].

К началу 1740-х годов монашеская братия монастырей Олонецкого уезда еще более поредела. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в ГАНУ реестры монахов за 1741 год¹⁴. Приведу несколько цифр. В Клименецком и Палеостровском монастыре находилось по семь монахов (из них по одному иеромонаху), в Муромском монастыре подвизались шесть монахов, все без священного сана. Община Вознесенского девичьего монастыря включала строительницу и 4 монахинь, Брусненского девичьего – строительницу и монахиню. В Габановой пустыни, расположенной на восточном берегу Ладожского озера, жил один престарелый монах; в Сяндемской, Кедринской, Сырьинской пустынях и Стороженском монастыре – по два монаха. В Андрусовской, Высокоезерской, Паданской и Яблонской пустынях Олонецкого уезда «у присмотру церквей» оставались только монастырские служители. При упоминании Вашеостровского монастыря в документе стоит помета «никого не имеется»¹⁵.

Малые размеры братских общин и отсутствие иеромонахов делали невозможной литургическую жизнь в монашеских обителях. В 1734 году даже в Александро-Свирском монастыре, где братия состояла из 33 человек, не было ни одного иеромонаха, и богослужения в монастырских церквях совершали священники приходских церквей Олонецкого уезда по очереди¹⁶.

Итак, сохранившиеся в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что малые и средние монастыри Олонецкого края, чьи братские общины после выхода запретительного петровского указа более не пополнялись новыми постриженниками, постепенно вымирали. Вдовы священники и диаконы, а также инвалиды-военные – те, кому официально в виде исключения постриг разрешался, – не стремились к иночеству. Без иеромонахов становились невозможны литургия, исповедь и принятие Святых Тайн – ключевые моменты монастырской жизни. Согласно требованиям «Прибавления к Духовному регламенту», малобратственные монастыри теряли самостоятельный статус и объединялись с наиболее крупными местными обителями (Александро-Свирским, Климецким, Муромским, Спасо-Каргопольским монастырями) [1: 31–32], [2: 70–71], [3: 102–106], [4: 145–149]. К середине XVIII века почти все приписанные монастыри опустели и затем были закрыты по секуляризационной реформе 1764 года [2: 62–104]. Новые жесткие законы, сломавшие традицион-

ные отношения государства и Церкви, неизбежно привели к печальным последствиям для монастырей Олонецкого уезда. Стремительное сокра-

щение размеров братских и сестринских общин и расстройство внутренней монастырской жизни – главные из них.

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУ «Национальный парк «Водлозерский» № 051-00036-19-00.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 6. № 4022.
- ² ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 7. № 4151.
- ³ ПСЗ I. СПб., 1830. № 4672.
- ⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80.
- ⁵ Там же. Д. 110.
- ⁶ Там же. Д. 80. Л. 29–38об.; Св. 8. Д. 110. Л. 44–44об.
- ⁷ Там же Л. 44об.
- ⁸ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами / Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Университет. тип., 1871. С. 98.
- ⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 19–21об.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Никольский К. Т. Пособие к изучению устава Православной Церкви. СПб.: Синодальная типография, 1907. С. 741.
- ¹² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 19.
- ¹³ Там же. Л. 25об.
- ¹⁴ Там же. Св. 42. Д. 481.
- ¹⁵ Там же. Л. 134–139.
- ¹⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 14. Стб. 76–77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вознесенская Е. Н., Жуков А. Ю. Яшезерский монастырь и его округа в XVI–XVIII веках // Православие в вепском крае: Материалы межрегиональной научно-практ. конф. Петрозаводск, 2013. С. 17–35.
2. Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во Спасо-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
3. Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. 343 с.
4. Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX в. Петрозаводск: Verso, 2017. 400 с.
5. Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М.: Круглый год, 1999. 208 с.
6. Сулова Е. Д. Вознесенский Свирский женский общежительный монастырь: повседневная жизнь общины в первой трети XVIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5 (29). С. 582–594.
7. Сулова Е. Д. Рыболовный промысел Успенского Муромского монастыря в первой трети XVIII века // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 334–351.

Kozhevnikova Yu. N., Vodlozersky National park (Petrozavodsk, Russian Federation)

“MONASTIC” LAWS OF PETER THE GREAT AND MONASTICISM IN THE OLONETS COUNTY IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY*

Using new and little-known written archival documents the author identifies the implications and significance of “monastic” legislation of Peter the Great for the Russian Orthodox monasticism in the Olonets County. The current research resolves the previously unanswered question of how the Tsar-reformer’s “antimonastic” policy influenced the lives of the monks who lived in various monasteries and hermitages in the Olonets County (Uyezd) during the first half of the XVIII century. The analysis of the data shows that the tightening of state policy towards monasticism led to the sharp reduction in the size of fraternal communities at the local level.

Key words: Orthodox monasteries, Orthodox monasticism, the Olonets County (Uyezd), laws of Peter the Great, history of Russian Church in the first half of the XVIII century

* The study was performed as part of the state task assigned to Vodlozersky National Park.

REFERENCES

1. Voznesenskaya E. N., Zhukov A. Yu. Yashezero Monastery and its surroundings between the XVI and the XVIII centuries. *Pravoslaviye v vepsskom krae: Materialy mezhhregional'noy konferentsii*. Petrozavodsk, 2012. P. 17–35. (In Russ.)
2. Kozhevnikova Yu. N. Monastery and monasticism of the Olonets Eparchy between the second half of the XVIII and the beginning of the XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 304 p. (In Russ.)
3. Kozhevnikova Yu. N. Five centuries of history. Yashezero Annunciation Hermitage. Petrozavodsk, 2014. 343 p. (In Russ.)
4. Kozhevnikova Yu. N. Andrusov's Saint Nicholas Hermitage. The XVI–XX centuries. Petrozavodsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
5. Pulkhin M. V., Zakharova O. A., Zhukov A. Yu. Orthodoxy in Karelia (between the XV and the first third of the XX centuries). Moscow, 1999. 208 p. (In Russ.)
6. Suslova E. D. Svir Ascension Convent: the community's daily life in the first third of the XVIII century. *Historical Journal: Scientific Research*. 2015. No 5 (29). P. 582–594. (In Russ.)
7. Suslova E. D. Fishery of Murom Dormition Monastery in the first third of the XVIII century. *Nauchnyy dialog*. 2016. No 11 (59). P. 334–351. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.01.2019